

Блохин В.В.

Профессор кафедры истории России. Российский университет дружбы народов.

Георгиева Н.Г.

Доктор исторических наук, профессор кафедры истории России. Российский университет дружбы народов.

Александр Герцен в поисках мировоззрения

Пока — человек готов принять всякое звание, но к званию человека не привык...

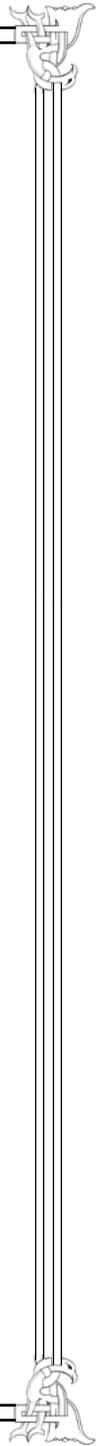
(А. Герцен Дилетантизм в науке)

Вопрос о научных основах доктрины Александра Герцена имеет важное теоретико-методологическое значение, поскольку отвечает на вопрос не только о его интеллектуальных источниках, но самом стиле и характере его мышления. О самосознании Герцена как мыслителя и интеллектуала красноречиво говорит цикл его очерков «Дилетантизм в науке», написанных в начале 1840-х гг. Можно сказать большее- в этой работе заключен ответ на принципиальные жизненные вопросы мыслителя, на сам способ восприятия им жизни.

Герцен жил в эпоху интенсивного интеллектуального влияния западной научной мысли на Россию. С XVIII века русские люди продолжали преклоняться перед главным достижением западной культуры – наукой, которая, как средство образования народа, оказалась в центре многочисленных дискуссий. С другой стороны, уже отечественные интеллектуалы 1830-х гг. отчетливо видели кризисные процессы западной интеллектуальной односторонности. Критикой европейского рационализма наполнились труды В.Ф. Одоевского, И.В. Киреевского и А.С. Хомякова. Вопрос усвоения интеллектуального западного наследства стал, таким образом, одним из важнейших вопросов русской жизни.

Для Герцена эта проблема интерпретации научных достижений Европы имела характер интеллектуального самоопределения. И он сразу выказывает свою позицию в очень важной для нас работе – «Дилетантизм в науке», написанной в виде отдельных очерков в начале 1840-х гг. «...Без краеугольного камня нравственному бытию человек не может жить», - отмечал мыслитель¹.

¹ Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах: Том 3. Дилетантизм в науке. Письма об изучении природы, 1842—1846. М.: Из-во АН СССР, 1954. С. 7.

Герцена мало интересовали вопросы научного познания, он был, прежде всего, озабочен вопросами поиска мировоззрения, практического руководства жизни. «Первый народник» А.И.Герцен был совершенно безразличен философии Гегеля в прямом смысле... Герцену нужны были не философские принципы, а именно мировоззрение»².

Какие вопросы его волнуют? Прежде всего, вопрос о том, каким способом сформулировать мировоззрение, проверить насколько знание (и какое) адекватно жизни. Герцену важно было утвердиться в том, что его ответы на эти вопросы современны, идут нога в ногу с современной эпохой.

Следует отметить, что вопросы науки и Просвещения русского общества в начале XIX века были относительно новы, а потому вопрос интерпретации тех или иных теорий, их приложения к жизни имел принципиальный характер.

Свое мировоззрение Герцен ищет в научных теориях современности. Знакомство с работой «Дилетантизм в науке» в полной мере раскрывают мировоззренческие претензии молодого мыслителя. Поражает его способность осмысливать свои искания в историко-культурном контексте смены эпох. Герцен рассматривает свое время и себя в контексте завершения двух европейских эпох- борьбы классицизма (Просвещения) и романтизма.

«Дело, недавно поступившее в архив, — тяжба романтизма и классицизма, так волновавшая умы и сердца в первую четверть нашего века (даже и ближе)... Нет в мире неблагодарнее занятия, как сражаться за покойников: завоевывают трон, забывая, что некого посадить на него, потому что царь умер»³.

Романтизм, согласно Герцену, вырос из последствий Французской революции. «Сердца и умы наполнились скукой и пустотой, раскаянием и отчаянием, обманутыми надеждами и разочарованием, жадной веры и скептицизмом...»⁴, - отмечал он.

Реабилитация веры и мистики, особенно сказавшиеся в Европе, привели к победе романтизма над классицизмом. «Германцы снова победили Рим и снова провозгласили торжество готических идей. Романтизм торжествовал, классицизм был гоним...»⁵.

Классицизм ответил романтизму реабилитацией материального: «Осыпаемые проклятиями романтиков, они молча отвечали громко — то парходами, то железными дорогами, то целыми отраслями на-

2 Шпет Г.Г. Философское мировоззрение Герцена. Пг. 1921. С. 13.

3 Герцен А.И. Собр. Соч. Т.3. С. 25.

4 Там же. С. 26.

5 Там же. С. 28.

уки, вновь разработанными, как геогнозия, политическая экономия, сравнительная анатомия, то рядом машин, которыми они отрешали человека от тяжких работ»⁶. По убеждению мыслителя, тжба романтиков и классицистов привела к тому, что современники проглядели нарощения новой эпохи - реализма!⁷.

Реалисты — «это большей частью люди практических интересов жизни, утилитаризма», они принадлежат современности. Реализм, по Герцену, принадлежит современному миру.

Наступление новой культурной эпохи Герцен объяснял динамикой развития личного начала в истории. Греки, развиг идею личности, подчинив ее всеобщему, идеи гражданства и городу. «Реакцией на греческий классицизм стал романтизм, имеющий, прежде всего, католическую природу... Дух и материя для него не в гармоническом развитии, а в борьбе, в диссонансе»⁸.

Однако и романтизм, по мнению мыслителя, оказался односторонним поскольку уводил человека из жизни в мир теней. Так возникла основа для нового синтеза романтизма и классицизма. «Романтизм и классицизм должны были найти гроб свой в новом мире, и не один гроб — в нем они должны были найти свое бессмертие. Умирает только одностороннее, ложное, временное, но в них была и истина — вечная, всеобщечеловеческая: она не может умереть, она поступает в майорат старшим рода человеческого»⁹.

Так, новая эпоха выразила, по его мнению, начало личности, но понимаемой не односторонне, а универсально. Символом культурного синтеза романтизма и классицизма стал гений Гегеля, который «в борьбе видел высшее тождество, снимающее борьбу... В то время, как у Наполеона в Дрездене толпились короли и венценосцы, печаталась в какой-то нюрнбергской типографии «Логика» Гегеля...»¹⁰.

Для Герцена, таким образом полагание идеала личности как универсального культурного феномена стало результатом исторического процесса, основным признаком новой эпохи реалистического воззрения на мир, которое с большим трудом утверждается в современной жизни.

Одним из препятствий развития реализма являются проблемы «дилетантизма» в науке. Состояние научного сознания в России, по убеждению мыслителя, во многом носит плачевный характер. С

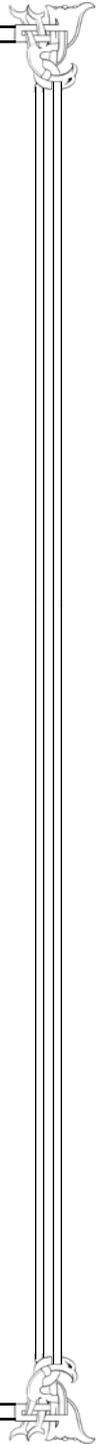
6 Там же. С. 28.

7 Там же. С. 28.

8 Там же. С.32.

9 Там же. С. 33.

10 Там же. С. 34.

одной стороны, науку губит любовь к абстрактным, оторванным от жизни обобщениям. С другой стороны, тормозит науку эмпирия, фактология, «узкий специализм» ученых. По этой причине, Герцен озабочен формулированием критериев «подлинной науки».

Одним из основополагающих требований науки, по мнению мыслителя, должна быть ясность ее выводов для народа, ее простота. «Массах вовсе недоступны бестелесные умозрения; ими принимаются имеющие плоть...»¹¹.

Такая прагматичная трактовка науки наглядно показывает, что Герцен видел в ней идеологическое средство воздействия на народ, ее инструментальность¹².

Кроме того, Герцен полагал, что наука не должна скрывать свои выводы за формальными абстракциями. «Современная наука может быть понятна всякому, кто имеет живую душу, самоотвержение и подходит к ней просто»¹³. По его мнению, зачастую науку сводят к отдельным несвязанным открытиям, уводящим от объективной истины.

«Дилетанты — туристы в областях науки и, как вообще туристы, знают о странах, в которых они были, общие замечания да всякий вздор, газетную клевету, светские сплетни, придворные интриги. Ученые — фабричные работники и, как вообще работники, лишены умственной развязности, что не мешает им быть отличными мастерами своего дела, вне которого они никуда не годны. «Каждый дилетант занимается всем scibile да еще, сверх того, тем, чего знать нельзя, т. е. мистицизмом, магнетизмом, физиогномикой, гомеопатией, гидропатией и пр»¹⁴.

Характер герценовской критики дилетантизма позволяет высказать гипотезу о том, «дилетантом» от науки он считал В.Ф.Одоевского, «русского Фауста», оригинального отечественного мыслителя, отличавшегося широтой научных, философских и эстетических интересов¹⁵. К сожалению, в отечественной литературе этот аспект оказался мало исследованным, а сами «дилетанты» для нас оставались до сих пор анонимными. В чем концепция Одоевского? Почему Одоевского Герцен записал в «дилетанты»?

Герцен не принимает «дилетантизм», главным образом, по причине абстрактного понимания предмета самой науки. В дилетантизме

11 Там же. С. 8.

12 Там же. С. 11.

13 Там же. С. 13.

14 Там же. С. 56.

15 Известно, что В.Ф. Одоевский интересовался и философией, и музыкой, и наукой, и мистицизмом, и гомеопатией.

наука имеет дело лишь с отвлеченной всеобщностью. «Никакая блестящая всеобщность, с своей стороны, не составит полного, наукообразного знания, если, заключенная в ледяную область отвлечений, она не имеет силы воплотиться, раскрыться из рода в вид, из всеобщего в личное, если необходимость индивидуализации, если переход в мир событий и действий не заключен во внутренней потребности ее, с которой она не может совладеть. ... Дилетантизм и формализм держатся в отвлеченной всеобщности; оттого у них нет действительных знаний, а есть только тени»¹⁶.

Понимая природу знания, как «индивидуализацию всеобщего», т.е. приспособления к нуждам человека, Герцен выступал адептом научного утилитаризма, неприятия абстрактности «чистой науки» или «науки для науки»

Чем для Одоевского была эта «отвлеченная всеобщность»? Он исходил из принципа единства и синтеза всех форм знания - науки, искусства и религии. До сих пор эти стихии бытия, по его мнению, были раздроблены. «Жизнь человека есть непрерывное борение: борение с природой, с другими людьми, борение с самим собой... Его (человека - авторы) потребности, не удовлетворимые наукой, ищут ненаходимого в сем мире; сей мир становится для него тесен; ему нужен другой мир, удаленный от грубой грозной природы, мир, в котором вопреки обыкновенному миру природа побеждена... это мир искусства или поэзии»¹⁷. В отличие от прагматика Герцена, князь Одоевский приходил к чистому синтезу форм знаний, который непреклонно вел к религии.

Согласно замечаниям Одоевского, эти формы знания составляют единство и не противоречат друг другу.

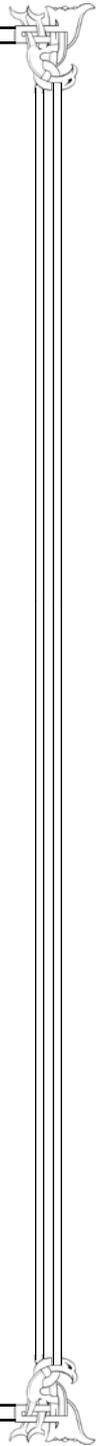
Другой проблемой, по мнению Одоевского, является специализация самих отраслей наук, разрывающих свою связь с целым - с человеком! «Что происходит ежедневно естественным образом, то человек должен образовать искусственно. Должна быть составлена система наук, которая бы относилась к каждому человеку так, как нынешняя относится к каждому предмету в особенности. В этом и должна быть задача воспитания. Примеры такого соединения мы видим и в искусстве: вы входите в храм, вас поражает совокупно и музыка, и архитектура, и религиозное чувство»¹⁸.

Одоевский мечтал об интеграции всех частных наук в единую науку. «Разделенные на тысячи отраслей и в сем виде обработанные,

16 Там же. С. 60.

17 *Одоевский В.Ф.* Русские ночи. Л., 1975. С. 194.

18 Там же. С. 196-197.

полезны для всего человечества, ибо в последствии их материалы послужат для составления *общечастной* науки природы...»¹⁹.

Как оценить такие взгляды Одоевского? Очевидно, он точно подметил, что только одной дифференцированной отрасли знания, только одной науки недостаточно для познания человека. Нельзя не согласиться и с мнением, что только наука в состоянии раскрыть природу человека. Очевидно, что познание человеческой природы, как природы вообще недоступно только специализированной науке. Здесь Одоевский справедливо указал на ограниченность рационального знания, идее, которая нашла более основательную разработку у И.В. Киреевского и А.С. Хомякова. Насколько это правомерно характеризовать «дилетантизмом» - большой вопрос. Герцен, на наш взгляд, прошел мимо плодотворных идей об ограниченности рационального знания.

Если дилетантов Герцен обвинял в «отвлеченной всеобщности», то специалистов - в мелкотемье, в преклонении перед фактами. Жизнь специалистов - это жизнь касты! «Главнейший недостаток этой касты состоит в том, что она каста; второй недостаток — специализм, в котором обыкновенно затеряны ученые»²⁰.

Критика ученых-специалистов, «кабинетных мыслителей»- излюбленная тема народнической мысли. Эти сюжеты присутствуют в концепциях Чернышевского, Михайловского, Лаврова. Герцен отличает «специализм» ученых в европейском масштабе.

Общественная гражданская роль профессиональных ученых различна в Европейских странах. «Франция именно стоит в главе популяризации науки; как ловко она умела, век тому назад, свое воззрение (каково бы оно ни было) облечь в современно-народную, всем доступную, проникнутую жизнью форму! Француз не может удовлетвориться в одной отвлеченной сфере; ему нужна и гостиная, и площадь, и песня Беранже, и лист газеты, за него нечего бояться, он долго в касте не останется»²¹.

О чем здесь речь идет? Мы можем догадаться- о французских Просветителях XVIII века, чьи труды стали теоретическим основанием Великой революции. Если еще быть точнее- об идеологах, подготовивших общество к преобразованиям. Специалисты- популяризаторы- это не тот термин, который выражает явление!

«Совсем не таквы, по мнению Герцена, цеховые ученые германские. Главный, отличительный признак их — быть валом отделену

19 Там же. 197.

20 Герцен А.И. Собр. Соч. Т. 3. С. 47.

21 Там же. С. 52.

от жизни; это отшельники средних веков, имеющие свой мир, свои интересы, свои обычаи. ...Академический, ученый мир в Германии составляет особое государство, которому дела нет до Германии»²².

Мелкотемье ученого-сектанта – порок такой науки. «Цеховой ученый вне своего предмета за что ни примется, примется левой рукой. Он не нужен во всяком живом вопросе. Он всех менее подозревает великую важность науки; он ее не знает из-за своего частного предмета, он свой предмет считает наукой»²³.

Откуда взялась такая неудовлетворенность европейским научным сознанием? По тонким наблюдениям Ю.Л.Менцина, ответ надо искать в профессиональном самоопределении Герцена.

В этой связи нельзя не отметить исследование, специально посвященное отношению Герцена к профессиональной науке²⁴.

Ю.Л. Менцин задается вопросом, что Герцен, «и круг его единомышленников-западников первоначально именно в науке видели не только мощный фактор социального развития и обновления, но и альтернативу попыткам чисто насильственного преобразования общества, каковыми молодежи конца 30-х - начала 40-х гг. представлялись восстание декабристов и некоторые другие революционные выступления в Европе первой трети XIX в. Но что же в таком случае заставило Герцена предпочесть науке революцию?»

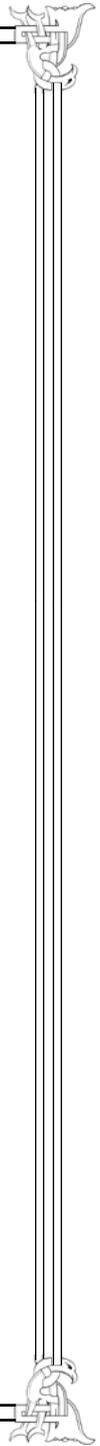
По мнению Менцина, причина была в том, что Герцен не состоялся как ученый. В этой связи интересны детали сдачи Герценом кандидатского экзамена. В июне 1833 г. А.И. Герцен завершил обучение на физико-математическом отделении Московского университета. Он готовился к выпускным экзаменам и трудился над кандидатской диссертацией «Аналитическое изложение солнечной системы Коперника». Написание такой работы - небольшого сочинения реферативного типа, а также получение достаточно высокого балла на экзаменах были необходимы для тех, кто хотел стать кандидатом университета, с тем чтобы продолжить научную работу и затем защищать магистерскую и докторскую диссертации.

Судя по письмам друзьям, Герцен был настроен оптимистически. Он благодарил и благословлял университет, радовался теме диссертации, предложенной ему куратором, профессором Д.М. Перевощиковым. Первая неудача постигла Герцена на экзаменах. 24 - 27 июня

22 Там же. С. 52.

23 Там же. С. 52.

24 Менцин Ю.Л. Дилетанты, революционеры и ученые // Вопросы истории естествознания и техники. 1995. № 2. // URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/HISTORY/VV_HI3_W.HTM

1833 г. он писал Н.П. Огареву, что «срезался у Перевощикова²⁵, авторитетного ученого, известного математика и астронома, директора первой астрономической обсерватории МГУ. Кроме всего прочего, Герцен был уверен, что будет награжден «золотой медалью» и был настроен чрезвычайно оптимистически.

«К сожалению, не оправдалась и эта надежда Герцена. Его диссертация была удостоена серебряной медали. Золотую медаль за сочинение на эту же тему получил другой ученик Перевощикова - А.Н. Драшусов, который был оставлен при обсерватории университета и в 1851 г. стал ее вторым, после Перевощикова, директором»²⁶.

Причем, Перевощикову не понравилось преобладание философии и отсутствие формул в исследовании Герцена. «Не исключено, что Перевощиков сохранял вакансию для Герцена (других кандидатур у него тогда просто не было). Но Герцен, вместо того чтобы проявить хоть какую-то инициативу, высмеивал в письмах своих учителей и университет и сообщал друзьям, что целыми днями ест, спит, купается и собирается всерьез заняться социальной философией и политическими науками»²⁷.

Возможно, личная неудача при несомненном присутствии научного таланта и способностей (он претендовал на золотую медаль) стала мотивом критического восприятия профессиональных ученых. Ю.Менцин, тем не менее, отмечает уважение и признание Герценом профессиональной науки в лице блистательного немецкого ученого К. Фогта²⁸. Но в начале 1840-х гг. позиция Герцена была крайне отрицательна к специализму науки.

«Не все ученые принадлежат к цеховым ученым; многие истинно ученые делают, подавляя в себе школьность, образованными людьми, выходят из цеха в человечество... Все внимание специалиста обращено на частности... Всеобщее, мысль, идея — начало, из которого текут все частности, единственная нить Ариадны, — теряется у специалистов, упущена из вида за подробностями...»²⁹.

По большому счету, претензия Герцена к науке состояла в определении предмета. Для него такой была личность, лицо, до селе загубленное логическими формами рациональной науки. «Личность погибла в науке... Процесс погубления личности в науке есть процесс становления — в сознательную, свободно разумную личность из

25 Там же.

26 Там же.

27 Там же.

28 Там же.

29 Герцен А.И. Собр. соч.... С. 60.

непосредственно естественной; она приостановлена для того, чтоб вновь родиться». Наука должна служить человеку, личности. «Личности надобно отречься от себя для того, чтоб сделаться сосудом истины, забыть себя, чтоб не стеснять ее собою, принять истину со всеми последствиями и в числе их раскрыть непреложное право свое на возвращение самобытности. Умереть в естественной непосредственности значит воскреснуть в духе, а не погибнуть в бесконечном ничего, как погибают буддисты»³⁰.

По убеждению Герцена, не просто необходимо сфокусировать предмет науки на личности, но и превратить науку в общественную силу. Наука должна служить не отвлеченным целям, но практическому действию личности, ее образовательному творчеству. «Примирение науки — снова начатая борьба, достигающая примирения в практических областях; примирение науки — в мышлении, но «человек не только мыслящее, но и действующее существо». Примирение науки всеобщее и отрицательное — оттого ей личность не нужна; положительное примирение может только быть в деянии свободном, разумном, сознательном. ... Деяние сознательной любви творчески создательно»³¹.

Научный разум науки должен воплотиться в человеческой деятельности. «Оттого, что наука выше жизни... Мысль должна принять плоть, сойти на торжище жизни, раскрыться со всею роскошью и красотой временного бытия, без которого нет животрепещущего, страстного, увлекательного деяния»³².

Наука — это преобразовательная сила человечества, поскольку человек интерсубъективен, имеет возможность выходить за пределы только интеллектуальной жизни и чистых абстракций. «Наука разрушает в области положительно сущего и созидает в области логики — таково ее призвание. Но человек призван не в одну логику — а еще в мир социально-исторический, нравственно свободный и положительно-деятельный; у него не одна способность от решающегося пониманья, но и воля, которую можно назвать разумом положительно-деятельным, разумом творящим; человек не может отказаться от участия в человеческом деянии... Наука покорила человеку мир, больше — покорила историю не для того, чтоб он мог отдыхать»³³.

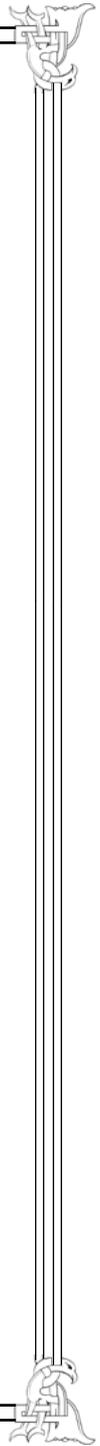
Последняя фраза очень символична. Герцен убежден в созидании

30 Там же. С. 68.

31 Там же. С. 70.

32 Там же. С. 76.

33 Там же. С. 77

тельной силе человеческой разумности. Нельзя не согласиться, что в вопросах применения науки мыслитель выступает как утилитарист. «В сочинениях же Герцена 40-х годов философия ...занимает место ближайшей отправной теоретической посылки для практического действия и социалистического идеала»³⁴.

Задача науки - выработка общественного идеала. «Будущее — возможность, а не действительность: его, собственно, нет. Идеал для всякой эпохи — она сама, очищенная от случайности, преображенное созерцание настоящего»³⁵.

Итак, Герцен не принимает классической науки за неопределенность предмета познания, за абстрактность и отрыв от действительность. По его мнению, наука должна стать средством созидания действенного мировоззрения, а предметом ее - служение интересам личности. Герцена волнует, прежде всего, прагматичная, утилитарная задача изменения жизни, а не оторванное от нее академическое знание. Чистая наука неприемлема для Герцена. В этом смысле можно с уверенностью сказать, что он стоял у истоков научного утилитаризма. В равной мере это справедливо и в отношении сциентизма - он рационалист, верит в возможность науки указать пути общественного развития, изменить мир согласно идеалам.

Нельзя сколь-нибудь серьезно говорить и о философской культуре Герцена. Очень верно подметил о. Сергей Булгаков: «О философских воззрениях Герцена нельзя говорить, конечно, в смысле стройной философской системы. Соответственно всему ему психическому складу, воззрения на мир и жизнь имели для него ценность не как логические построения, со стороны логической техники и стройности, а по преимуществу со стороны своего жизненного, практического значения. В его сочинениях нельзя встретить даже упоминания о чисто теоретических философских проблемах, например, гносеологии; его интересы сосредоточиваются в области нравственной, практической философии. Проблемы Ивана Карамазова у Достоевского суть вместе с тем и проблемы Герцена. Если рассматривать воззрения Герцена с точки зрения школьной философии, то придется признать, что Герцен совсем не был философом»³⁶. Поражает язык герценовских сочинений по вопросам науки: «Его рассуждения, ясности которых нередко прямо мешает изысканная образность его стиля, иногда переходящая даже в риторичку, порой поражают своими явными проти-

34 Володин А.И. Герцен. М.: 1970. С. 145.

35 Там же. С. 86.

36 Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии 1895-1903. М.: Астрель, 2006. С. 540.

воречиями и произвольностью»³⁷.

Мировоззрение Герцена можно по праву назвать позитивистским. «... Его воззрения можно характеризовать скорее как философию позитивизма – не в том смысле, чтобы Герцен был почитателем (или даже читателем) О. Конта (симпатии его принадлежали скорее вульгарному естественно-научному материализму Фогта), но в смысле отрицания всякой метафизики и признания прав лишь одного эмпиризма. Позитивизм - это бессознательная философия всех чуждых философии людей, философия здравого смысла, который вполне справедливо так недолюбливал Гегель. Основные положения позитивизма - отрицание прав метафизики и религиозной веры – вполне разделял Герцен...»³⁸.

Библиографический список:

1. Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах: Том 3. Дилетантизм в науке. Письма об изучении природы, 1842—1846. М.: Из-во АН СССР, 1954. 368 с.
2. Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии 1895-1903. М.: Астрель, 2006. 758 с.
3. Володин А.И. Герцен. М., Мысль, 1970. 215 с.
4. Менцин Ю.Л. Дилетанты, революционеры и ученые // Вопросы истории естествознания и техники. 1995. № 2. // URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/HISTORY/VV_HI3_W.HTM
5. Одоевский В.Ф. Русские ночи. Л., 1975. 270с.
6. Шпет Г.Г. Философское мировоззрение Герцена. Пг. 1921-223 с.

References

1. Herzen A.I. Collected works in thirty volumes: Volume 3. Dilettantism in science. Letters on the study of nature, 1842-1846. M.: From the Academy of Sciences of the USSR, 1954. 368 p.
2. Bulgakov S.N. From Marxism to Idealism. Articles and reviews 1895-1903. M.: Astrel, 2006. 758 p.
3. Volodin A.I. Herzen. M., Thought, 1970. 215 p.
4. Mentsin Yu.L. Amateurs, revolutionaries and scientists // Questions of the history of natural science and technology. 1995. № 2. // URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/HISTORY/VV_HI3_W.HTM
5. Odoevsky V.F. Russian nights. L., 1975. 270 p.
6. Shpet G.G. Philosophical outlook of Herzen. Pg. 1921-223 p.

37 Там же. С. 540.

38 Там же. С. 541.